

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145

АРЕАЛЬНО-ДИАЛЕКТНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬИ (ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ОБЗОР)

Алексеев К. А.

Тверской казачий технологический институт

170100, Россия, г. Тверь, Свободный пер., д. 16, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Построение целостной модели диалектного членения индоевропейской семьи с определением места и времени бытования каждой группы диалектов.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ данных антропологии, археологии, генетики и глоттохронологии по принципу их взаимной конвергентности и, насколько возможно, непротиворечивости.

Результаты. Исследование показало, что прародиной восточной ветви индоевропейцев был ареал польгарских культур в бассейне Тисы, откуда несколькими волнами обособившиеся диалектные группы мигрировали через ареал Трипольской культуры в степи Евразии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена датировка существования Михайловки II, выдвинута гипотеза происхождения Абашевской культуры от Михайловки II.

Ключевые слова: индоевропейцы, индо-иранцы, Михайловка II, средиземноморский антропологический тип

THE AREAL-DIALECT DIVERGENCE OF THE EASTERN BRANCH OF THE INDO-EUROPEAN FAMILY (AN INTEGRATIVE REVIEW)

K. Alekseev

Tver Cossack Institute of Technology

1b Svobodny, Tver 170100, Russian Federation

Abstract.

Aim. To build an integral model of the dialect division within the Indo-European language family and determine the geographical and temporal setting for each dialect group.

Methodology. A comprehensive analysis of anthropological, archaeological, genetical, and glottochronological data was performed on the principles of their mutual convergence and – as far as possible – non-contradiction.

Results. The study showed that the original homeland of the Indo-Europeans' eastern branch was located in the area of the Polg r cultures in the Tisza basin. The isolated dialect groups migrated from the region through the area of the Tripolye culture and spread in the Eurasian steppes.

Research implications. An approach for dating Mikhailovka II was proposed, and the hypothesis that the Abashevo culture originated from Mikhailovka II was suggested.

Keywords: Indo-Europeans, Indo-Iranians, Mikhailovka II, Mediterranean race

Введение

Задачей данного исследования является построение схемы ареально-диалектной дивергенции восточной ветви и. е. семьи на широком отрезке времени и географического пространства, причём за основу принята деривационно-пространственная модель членения общеиндоевропейской языковой области, предложенная Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым [4, с. 415]. К указанной восточной ветви (группа диалектов *В* по Гамкрелидзе и Иванову) относятся две макро-группы: балто-славяно-германская (*нордическая*) и арийско-греко-армянская (*аугментная* по Л. А. Гиндину [6, с. 59]). В аугментную группу входят *палеобалканская группа* (по И. М. Дьяконову) в составе исторических диалектов фракийского, фригийского, армянского и греческого [7, с. 8–10], а так же *индоиранская группа* в составе исторических диалектов иранского и индоарийского (ведического и митаннийского).

Мы проведём системный и комплексный анализ максимально широкого круга данных различных источников археологии, антропологии, генетики и глоттохронологии, которые в наибольшей степени оказываются конвергентны между собой, чтобы построенная модель насколько возможно была внутренне непротиворечива.

Данные глоттохронологии

Благодаря обнаружению в Тепе-Гиссаре в древней Гиркании дунайской $mtHq$ HV (некалиброванная дата 2 315 г. до н. э.¹), которая впоследствии обнаруживается в Гандхарской культуре в долине ведической реки Сват (Буткара, образец BUTK-3), мы можем констатировать, что

выделение арийской группы языков из индоиранской общности произошло не позднее указанной даты. Кроме того, эта дата указывает на момент прихода индоарийцев в Среднюю Азию, откуда они позднее продвинулись в долину Инда [1, с. 37].

Соответственно можно предполагать, что ареально-лингвистическое единство ведических и митаннийских арийцев продолжалось в течение по меньшей мере 555 лет (2 315–1 760 г. до н. э.) на территории Бактрии, Маргианы и Гиркании. Около 1 760 г. до н.э. это единство распадается, митаннийцы мигрируют в район оз. Урмия [24, с. 27], а ведические арийцы начинают миграцию в направлении Индостана, где около 1 710 г. до н. э. создают Гандхарскую культуру, в которую приносят свой митохондриальный ген HV [1, с. 35–37].

Постулируя, что ареально-лингвистическое единство ведических и митаннийских арийцев длилось около 550–600 лет, мы должны предполагать не меньшую длительность существования индоиранской диалектной общности, из которой арийская группа выделилась не позднее 2 315 г. до н. э. (скорее всего, несколько ранее). Таким образом, индоиранская общность должна была существовать в период 2 950–2 350 г. до н. э.

Статистически в середине указанного периода (около 2 650 г. до н. э.) из индоиранской общности должны были выделиться кафиры, у которых не происходит ассимиляции палатальных фонем, тогда как у сохранивших единство индоиранцев в дальнейшем произошла сатемизация (палатализация согласных) [4, с. 915].

Аналогичный процесс протекал в палеобалканской группе диалектов, из которых лишь один греческий не подвергся сатемизации, выделившись прежде начала процесса палатализации, остальные же языки (фригийский, фракийский, ар-

¹ Прим автора: здесь и далее мы будем использовать традиционные некалиброванные даты с отложением 1 950 лет от радиоуглеродного значения ВР.

мянский), сохранившие единство в рамках палеобалканской группы, стали са- темными [7, с. 7–8].

Таким образом, разделение палео- балканцев и индоиранцев мы относим к 2 950 г. до н. э., а их ареально-лингвисти- ческое единство, которое должно было длиться не меньше 600 лет, на период 3 600–2 950 гг. до н. э.

Около 3 600 г. до н. э. мы должны да- тировать распад восточной ветви и. е. семьи и разделение аугментной и норди- ческой макро-групп.

Данные антропологии

Благодаря трудам Е. Е. Кузьминой, по- святившей свою научную деятельность всестороннему изучению этногенеза ин- доиранцев, на данной стадии развития исторического знания уже не остаётся со- мнений в том, что Срубная культура была археологическим эквивалентом западной ветви иранской группы (в составе персов, киммерийцев, мидян и парфян), а Андро- новская культура была археологическим эквивалентом восточной ветви иранцев (в составе согдийцев, хорезмийцев, са- ков-скифов и бактрийцев). Происхожде- ние обеих иранских культур достаточно ясно: в результате синтеза полтавкинских и абашевских древностей [12, с. 201]. Этот культурный синтез происходил на памят- никах Новокумакского горизонта (в т. ч. в Синташте), органично переходящего в алакульскую фазу [20, с. 26].

Антропологический тип алакульского этноса так же хорошо изучен. Его называют по-разному – *грацильным европеоид- ным* (А. Г. Козинцев), *средиземноморским* (С. И. Круц), но в целом он характеризу- ется *гипоморфностью* (грациализацией) скелета, узким лицом, долихоцефально- стью и, вероятно, светлой пигментаци- ей кожных и волосяных покровов [19, с. 130–131]. Появляется он ещё в Син- таште (могильник Бестамак [23, с. 60, 66]) и **именно этот антропологический тип мы должны полагать изначально при- сущим носителям иранских диалектов.**

Что касается срубного этноса, то его антропологический тип был смешанным. Ранние срубники Потаповского типа были в расовом отношении наследниками абори- генного населения Поволжья и Южно- русских степей. Со времён энеолитической Хвалынской культуры на просторах от Днепра до Волги бытовал антропологиче- ский тип, именуемый *гиперморфным, про- то-европеоидным*. Он отличался массив- ностью скелета, широким лицом, но также долихоцефалией и доминировал в культуре Средний Стог [11, с. 130]. В Ямную эпоху он сохранялся в Поволжье и на Урале [19, с. 128, рис. 4], перейдя затем населению полтавкинских и даже синташтинских (могильник Халвай-5 [23, с. 59–60]) па- мятников, однако уступив доминирование средиземноморскому (алакульскому), что свидетельствовало об окончательном тор- жестве иранского языка и культуры.

Напротив, поздние срубники Покров- ского типа и срубники Украины в расо- вом отношении идентичны алакульцам [12, с. 239], имеют единое с ними проис- хождение, составляя по существу ирано- язычный суперстрат Срубной культуры.

Таким образом, перед нами два ан- тропологических типа, и только один из них – средиземноморский (алакульский) – мы можем считать сугубо иранским. Наоборот, полтавкинцев (а равно их предков на Волге – ямников) прото-ев- ропеоидного облика мы никак не можем признать иранцами.

Методом исключения, зная, что син- таштинский (алакульский) этнос был со- ставлен полтавкинцами и **абашевцами, мы должны признать последних соб- ственно иранцами.**

Антропологи справедливо усматрива- ют предков алакульских иранцев в ямном и раннем катакомбном населении Ингуль- ца, Нижнего Днепра (Верхне-Тарасовка, Каховка) и Молочной (в пределах Херсон- ской и Запорожской областей) [9, с. 129]. Здесь в Ямную эпоху был ареал наиболее компактного обитания грацильных сре- диземноморцев (узколицых и долихоце-

фальных). Отсюда ямники расселялись в западном направлении – на Ингул, Буг и в Буджакскую степь, формируя единый с населением Запорожья и Херсонщины антропологический кластер [19, с. 128–129]. При этом их морфологическое сходство с алакульцами свидетельствует о миграции также в восточном направлении.

Являются ли запорожские и херсонские ямники непосредственными предками алакульцев? Это допустимо предполагать в контексте того, что носители многоваликовой керамики с Днепра непосредственно пришли на Урал и приняли участие в формировании Новокумакского горизонта [20, с. 29]. Вопрос в их численности. Если мигрантов с Днепра было так много, что они составили подавляющее большинство алакульского населения, то почему элементы культуры многоваликовой керамики столь неярко выражены по сравнению с абашевской культурной традицией? (Полтавкинские древности и прото-европейским антропологический тип их носителей мы выносим за скобки).

Соответственно, если оставаться верным концепции Е. Е. Кузьминой о полтавкинском и абашевском элементах как основных в формировании Андроновкой культуры, то надлежит признать, что именно абашевцы (помимо того, что

привили иранские диалекты полтавкинскому субстрату) были промежуточным антропологическим звеном между запорожскими ямниками и алакульцами.

Антропологический тип абашевцев определяется как смешанный. В эпонимном кургане Абашево в Чувашии погребён представитель прото-европейского типа [5, с. 147, 151]. Однако наиболее информативно братское захоронение 29 абашевцев в Пепкинском кургане при впадении Суры в Волгу. Погребённые отличны от прото-европейцев, представляют узколищый долихоцефальный антропологический тип, который именуется отдельными исследователями *сиро-палестинским* [5, с. 148, 149, 151]. Для целей единообразия словоупотребления описанный антропологический тип следует именовать средиземноморским.

Аналогичный полиморфизм представлен во II Липецком кургане: один из 2-х черепов являет узколищый долихоцефальный тип (кость 3), другой – широколищый, мезокранный (кость 1) [5, с. 154].

Таким образом, 79% абашевской популяции по антропологическому типу аналогичны ямной популяции Запорожья (с реки Молочной) [19, с. 130] и являет общий средиземноморский антропологический тип (*табл. 1*), что подтверждается

Таблица 1 / Table 1

Расовый состав абашевской популяции по данным краниологии / Racial composition of the Abashevo population according to craniology data

Антропологический тип	Памятники	Количество черепов	Общее количество черепов (доля к итогу)
Уралоидный	Съезжее I/8,9	2	3 (7%)
	Красиково I 3/1	1	
Средиземноморский (узколищый, долихокранный) грацильный европеоидный	Липецк 2/3	1	33 (79%)
	Чуракаево	2	
	Катергино-Бишево	1	
	Пепкино	29	
Прото-европеоидный (долихокранный, широколищый)	Ольгаши к.5	1	6 (14%)
	Абашево 9/2	1	
	Тауш-Касы	3	
	Липецк 2/1	1	
Итого			42 (100%)

Источники: составлено автором по [5, с. 147–150, 154; 23, с. 62].

единством ареала происхождения обеих популяций: для ямников Запорожья ближайшими родичами признаны носители культуры Тисапольгар [9, с. 129], для абашевцев Пепкинского кургана ближайшим регионом происхождения признано Прикарпатье [5, с. 149].

В силу этого мы приходим к следующим выводам:

1) по своим расовым признакам (долихоцефалия и узкое лицо) абашевцы являются предками алакульцев, и поскольку алакульцы – это, несомненно, иранцы, следовательно, мы должны признать иранцами так же и абашевцев. Косвенным, археологическим подтверждением иранской этничности абашевцев является широкое использование священного огня в погребальных ритуалах Абашево [26, с. 128];

2) как носители средиземноморского типа абашевцы происходят из Запорожья, где указанный антропологический тип доминировал в предшествующее – ямное – время, когда иранцы ещё составляли диалектное единство с индоарийцами, а средиземноморский тип был един для всей индоиранской группы. Таким образом, данные антропологии надёжно связывают индоиранцев с Ямной культурой на Нижнем Днепре и с её эталонными памятниками типа Михайловки II.

3) Индоиранские средиземноморцы приходят в Степь (на Днепр) из ареала земледельческих культур Старой Европы (Дунай и Карпаты), в частности являются потомками носителей культуры Тисапольгар. Данный вывод, сделанный на основе антропологического анализа, находится в системной связи с результатами генетического анализа, согласно которому индоиранцы происходят от насельников дунайской культуры Альфельд [1, с. 38], предковой для Тисапольгара.

Сразу уточним, что археологических данных, свидетельствующих в пользу генетической преемственности между Михайловкой II и Абашево, нет. Подобный вопрос даже не возникал в археологических исследованиях, хотя антропологи-

ческие данные свидетельствуют в пользу правомерности его постановки.

А. Т. Синюк высказывал суждение, что в основе формирования Абашево лежат пострепинские древности [18, с. 531, 570]. Однако этому противоречит хозяйственно-культурный тип абашевцев, у которых господствовало скотоводческое хозяйство с преобладанием крупного рогатого скота (КРС) [26, с. 125], напротив, у репинцев в стаде преобладали лошади (80 %, КРС – только 8 %) [10, с. 245], соответственно, репинцы не могли сформировать хозяйственный тип Абашево, хотя допустимо, что они были субстратом этой культуры.

Е. Е. Кузьмина указывает, что Абашево принадлежит к кругу культур шнуровой керамики типа Фатьяново [12, с. 125]. Однако этому противоречит антропологический тип фатьяновцев, который характеризуют как северный европеоидный (нордический) [26, с. 71] и который отличается от средиземноморского (пепкинского = сиро-палестинского, алакульского) в первую очередь высоким ростом, тогда как в абашевской популяции у мужчин рост был средний – 170 см [5, с. 155, 156]. Кроме того, отличался и хозяйственно-культурный тип, с одной стороны, фатьяновцев и носителей Среднеднепровской культуры шнуровой керамики (КШК), а с другой стороны, абашевцев. По оценкам Д. А. Крайнова, в стаде обеих КШК на ранних этапах преобладали свиньи, затем увеличивается роль овцеводства [26, с. 66].

Таким образом, мы склоняемся к мнению А. А. Халикова, полагавшего, что абашевцы были обособившейся в лесостепи группой ямного населения (без детализации) [26, с. 130]. Полагаем, что происхождение абашевцев следует искать в тех районах Ямной общности, где в совокупности были распространены средиземноморский антропологический тип и традиция разведения КРС. Таковой оказывается именно Михайловка II, в хозяйственном укладе которой КРС состав-

лял 60% стада, лошади – 10,5%, свиньи – всего 0,4% [10, с. 21]. Перед нами пример хозяйственно-культурного типа обратнo-симметричного (противоположного) и хутора Репин, и КШК.

Данные археологии

Е. Е. Кузьмина права, отмечая, что Абашево предшествует Андроново и составляет один из компонентов при формировании Синташты [12, с. 125]. Соответственно Абашевская культура как таковая должна была сложиться до начала формирования Синташты. Местом формирования Абашево признают бассейн Среднего Дона [12, с. 192] и более конкретно – Липецкую область [26, с. 130]. В уже оформленном виде Абашевская культура принесла свои специфические черты на Урал. Для погребений 11 и 39 кургана V могильника Синташта I в Киевской лаборатории получены следующие радиоуглеродные даты: 4 200+/-100 л. н., 4 100+/-170 л. н. [12, с. 454]. Это позволяет относить начало функционирования могильника, и, следовательно, появление абашевцев на Урале к периоду 2 250–2 150 гг. до н. э. Соответственно Абашевская культура как таковая должна была возникнуть в липецком и воронежском Подонье примерно на столетие раньше – в период 2 350–2 250 гг. до н. э. Именно в этот период ираноязычные выходцы из Михайловки II должны были прийти на Дон.

Представляется, что Ямная культура на Нижнем Днепре была явлением сравнительно поздним, пришлым и не связанным с бытовавшей ранее в этом регионе культурной традицией. Зримым образом культурного и хронологического разрыва может служить стерильный горизонт, толщиной 0,5 м, который отделял Михайловку I от Михайловки II [10, с. 29]. В раннем (нижнем) горизонте Михайловки II обнаружены красноглиняные амфоры с трипольских поселений Сандраки, Печора, Стена [10, с. 64]. Все они принадлежат к городско-касперовской группе Триполья СII, из которой

датировано только поселение Городиштя: 2 665+/- 35 г. до н. э. [3, с. 238–239].

Оснований полагать, что носители ямной культурной традиции приходят на Днепр значительно ранее этой даты, у нас нет. **Таким образом, мы должны датировать основание Михайловки II, а также как таковое появление древних ямников средиземноморского типа на Днепре и в Запорожье около 2 650 г. до н. э.**

Подобная датировка в связи с данными глоттохронологии указывает, что Михайловка II была археологическим памятником не единой аугментной макро-группы и даже не одной из двух её ветвей. Дивергенция палеобалканцев и индоиранцев уже свершилась (не позднее 2 950 г. до н. э.), более того, сама миграция, приведшая к основанию поселения, послужила фактором дальнейшей дифференциации внутри индоиранской общности: Михайловку II основала лишь та группа индоиранцев, у которой в период Михайловки II происходит сатемизация согласных (иранцы и индоарийцы как общность). Напротив, кафиры, не участвовавшие в этой миграции, сохранили архаичный фонетический строй, и, оставшись вне Ямной культуры типа Михайловки II, имели иную историческую судьбу.

На рубеже Михайловки II/III происходит то, что О. Г. Шапошникова назвала *массовым вторжением* [25, с. 54]. Несомненно, что это вторжение повлекло изменение культурного облика Михайловки и возникновение нового, на сей раз укрепленного поселения – Михайловки III [10, с. 29]. Вероятно, что этнически и лингвистически новые насельники Михайловки отличались от предшественников.

Не исключено, что отношения пришельцев с коренными насельниками Михайловки II строились по той же схеме, которую Геродот описал для киммерийцев и вторгшихся скифов («История», 4:11). Вместо того чтобы сражаться против врага, киммерийцы стали сражаться

друг с другом, решая вопрос, сражаться ли со скифами. В итоге ослабленные киммерийцы, не оказывая сопротивления пришельцам, ушли с мест своего обитания. Аналогичным образом произошёл роковой раскол внутри сатемных индо-иранцев: разделение племени нашло свое отражение в ведической мифологии – иранцы выступали под именем *асуров* (*господ*), индоарийцы – под именем *девов* (*богов*).

Эта дивергенция, по данным глоттохронологии, происходит около 2 350 г. до н. э. В результате каждая из двух сатемных ветвей индоиранского племени уходит из Михайловки II своим историческим путём. Предложенная условная дата находит археологическое подтверждение в очередной волне ямной миграции на Балканы, в ходе которой ямники продвинулись вплоть до Тисы, где их присутствие отмечено впускным пог. 4 в кургане 3 Кетедьхаза, для которого имеется некалиброванная дата 2 315+/-80 г. до н. э. [17, с. 166–168]. Основное пог. 7 в кургане 3, несомненно, должно быть несколько старше.

С погребениями в Кетедьхазе синхронны погребения в курганах Вербицы (Verbița близ Крайовы в Олтении), оставленные ямниками по пути к Тисе. Радиоуглеродных дат для Вербицы нет, но по сопровождающей погребения керамике начала Раннего Бронзового века III курганы в Олтении можно датировать в сравнительно узком диапазоне 2 400–2 250 гг. до н. э.¹ В трех курганах одинаковое положение покойного – скорченно на спине, левая рука вдоль тела, правая – в области живота [16, с. 441]. Аналогичная поза встречается на Южном Буге (Ковалевка VI, кург. 4, пог. 6). Данный памятник относится О. Г. Шапошниковой к периоду верхнего строительного горизонта Михайловки II [25, с. 51], когда разросшееся население растекается в западном

и восточном направлениях – на Южный Буг и Молочную (Аккермень, курган 11 [10, с. 9]), формируя единый средиземноморский антропологический кластер (Буг-Ингул-Херсонщина-Запорожье) [19, с. 128–129].

Появление обряда типа Михайловки II в Олтении мы связываем с событиями, которые О. Г. Шапошникова назвала *массовым вторжением* поздних ямников. По существу основатели Михайловки III вытеснили с прежних мест обитания родственных между собою насельников Михайловки II и Буго-Днепровского междуречья. Последние ушли на Дунай. Таким образом, синхронные даты Вербицы и Кетедьхазы указывают (с некоторым временным лагом) на момент, когда Михайловка II была покинута своими насельниками (2 400–2 315 гг. до н. э.), и эти даты совпадают с условно-рассчётной, предлагаемой глоттохронологией (2 350 г. до н. э.).

Судьбу иранцев мы уже рассмотрели. Индоарийцы, преодолев за короткий срок Дон, Волгу и Урал, выходят на Амударью, и основывают в Бухарском оазисе культуру Заман-Баба. По наличию керамики Мундигак IV Е. Е. Кузьмина датирует Заман-Бабу второй половиной – концом III тыс. до н. э. [13, с. 85]. Нам представляется наиболее приемлемой датировкой 2 300–2 000 гг. до н. э.

У Н. Я. Мерперта и Е. Е. Кузьминой не вызывает сомнений происхождение этой культуры из широкого круга степных культур [12, с. 45–46; 14, с. 329] без точного указания места происхождения. Косвенное указание на происхождение даёт антропологический тип насельников Заман-Баба: узколицие долихоцефальные средиземноморцы южного европеоидного типа [22, с. 93]. Соответственно, этот тип однозначно не мог происходить из Волго-Уральского варианта Ямной культуры, где господствовал широколицый прото-европейский тип, но только из того региона Ямной общности, где средиземноморский тип доминировал, т. е. из района Михайловки II (Запорожье и

¹ Здесь мы пользуемся хронологией Бронзового века Юго-Восточной Европы, предложенной Р. Катиншаровым и Н. Тасичем [8, с. 356]

Херсонщина), сколь бы далеко она не находилась от Бухарского оазиса.

Также важно отметить, что в Заман-Бабе обнаруживаются ящичные урны для кремированного праха, аналогичные тем, которые будут использоваться в I и II-ом периодах Гандхарской культуры долины Сват [12, с. 144, 152]. Последнюю мы вслед за А. Х. Дани считаем, несомненно, индоарийской [1, с. 35], соответственно, культуру Заман-Баба надлежит рассматривать как археологическое и антропологическое свидетельство прихода в Среднюю Азию будущих ведических арийцев (ещё в единстве с митаннийцами).

Оговоримся, что хотя индоарийцы и составляли основное население культуры Заман-Баба, это не исключает их дальнейшего проникновения в качестве диаспоры в города Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Анау, Намазга) и далее в Гирканию – в Тепе-Гиссар, где обнаруживается дунайский митохондриальный ген HV, принесённый впоследствии в долину Инда и маркирующий там ведических арийцев. С этого мы начали свою статью, и таким образом круг исследования в части этногенеза индоарийцев замыкается: **около 2 350 г. до н. э. в результате конфликта с ближайшими сородичами индоарийцы выделяются из сатемной индоиранской общности, археологическим эквивалентом которой была Михайловка II, продвигаются на Амударью (где формируют культуру Заман-Баба), а оттуда в качестве диаспоры расселяются в Бактрии, Маргиане и Гиркании.** Около 1 760 г. до н. э. индоарийская диаспора БМАК распадается на митаннийцев и ведических арийцев, и каждое племя совершает свою последнюю миграцию на исторические места обитания соответственно в Верхневьях Евфрата и Инда (Кабула и Свата).

Таким образом, наша модель в части этногенеза сатемных индо-иранцев исходит из предположения, что основателями и насельниками Михайловки II (т. е. классическими ямниками Нижнего

Поднепровья) были выходцы из ареала Триполья. Само по себе данное допущение находится в контексте более широкомасштабного процесса – *сдвига в сторону насторализма* земледельческого населения Старой Европы, о котором писали К. Ренфрю, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева [15, с. 49] и мы полностью разделяем данную парадигму [2]. На данной стадии исследований многие авторы (А. Д. Резепкин, И. В. Манзура, Ю. А. Рассамакин, к последнему присоединяется А. В. Файферт) склоняются к мысли, о том, что Михайловка I была основана предшествующей волной мигрантов из ареала Триполья и других земледельческих культур Центральной и Южной Европы [10, с. 81–82; 21, с. 49]. Соответственно нельзя принципиально отрицать аналогичную возможность для Михайловки II, учитывая синхронное возникновение на левобережье Днепра памятников животиловско-волчанского типа, являющихся несомненным примером миграции трипольцев в Степь на этапе С II [10, с. 81; 27, с. 64–65].

Мы уже отметили непосредственное присутствие трипольской керамики в ранней Михайловке II, каковое может рассматриваться не только как импорт, но именно как указание на происхождение населения, которое могло прийти на Днепр со своей старой керамикой и на новых местах обитания начать развивать собственно ямную керамическую традицию. Кроме того, отмечается влияние трипольской керамической традиции на появление плоскодонной посуды в Михайловке II, использование петельчатых ручек и ушек на сосудах [10, с. 63–64]. Несомненно влияние трипольской домостроительной техники [10, с. 49].

Наконец, на наш взгляд, такое новшество, как *печь* в жилище I верхнего горизонта Михайловки II [10, с. 36] могло прийти только из ареала, где печное строительство было широко развито, начиная с третьей ступени периода В II (поселение Старые Куконешты) [14, с. 199].

В силу этих обстоятельств с учётом наших датировок Михайловки II (2 650–2 350 гг. до н.э.) история индоиранской общности (включая кафиров) должна была протекать вне Днепровского региона в ареале Триполья в период 2 950–2 650 гг. до н.э. Учитывая генетическую связь Михайловки II с городско-касперовской группой

Триполья СII, мы должны признать, что общим предком для них была жванецкая группа [3, с. 237–238] в составе поселений Костешты IV, Брынзены III, Бильче-Злота-Вертеба [3, с. 232–233; 14, с. 221].

Для пещеры Вертеба имеются радиоуглеродные даты и генетические данные погребённых (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Радиоуглеродные даты и генетические данные погребённых в пещере Вертеба /
Radiocarbon dates and genetic data of those buried in the Vertebea Cave**

Индивид	Дата ВР (л.н.)	Шифр лаборатории	Материал	Традиционная дата (–1 950 лет)	Пол	мтДНК
1.V1a-H1	4890±30	Beta-432808	зуб	2940 г. до н.э.		
1.V1a-H1	4985±30	OxA-25991	черепная кость	3035 г. до н.э.	М	H5a
4.V4a-H4	4976±33	OxA-26203	черепная кость	3026 г. до н.э.	М	T2b
5.V5a-H5	4888±32	OxA-26204	черепная кость	2938 г. до н.э.	М	HV

Источник: [29].

Все даты, очевидно, указывают на нижний рубеж формирования жванецкой группы, являющейся генетической наследницей Брынзен IV и Варваровки XV, для которой имеется радиоуглеродная дата 3 040+/-110 г. до н.э. [3, с. 235, 255]. После этой даты происходит распад группы Варваровка XV на выхватинскую [14, с. 227] и жванецкую. Последняя бытовала в период 3 040–2 650 гг. до н.э. и представляла археологический эквивалент индоиранской общности. Соответственно выхватинскую группу мы должны признать эквивалентом палеобалканской макро-группы.

В связи с этими данными в уточнении нуждается глоттохронология. По аналогии с периодом существования арийской группы – 590 лет (2 350–1 760 гг. до н.э.) – мы предполагали, что индоиранская общность должна была существовать по меньшей мере в течение 600 лет. Теперь с определённой уверенностью можно говорить, что индоиранское единство сохранялось на протяжении почти 700

лет (3 040–2 650 гг. до н.э.), а аугментная общность должна была существовать не менее аналогичного промежутка времени в период 3 750–3 040 гг. до н.э.

Вернёмся вновь к данным антропологии и генетики, оценив их в совокупности с данными археологии. Мы помним, что по краниологическим показателям ближайшими родичами ямников Запорожья признаны носители культуры Тисапольгар [9, с. 129]. MtHg HV, встречающаяся в пещере Вертеба, находит более ранние аналогии в культуре Альфельд (предковой для Тисапольгара). Именно эта MtHg HV была принесена индоиранцами в долину ведической реки Сват и должна рассматриваться как генетический маркер индоевропейцев [1, с. 38]. Совокупность данных указывает, что аугментные и.е. не были коренными насельниками Трипольской культуры – они, несомненно, приходят в ареал Триполья с территории ближайшей культуры Тисапольгар в период её существования, синхронный Ленгиелю III, датированного промежутком

3 450–3 080 гг. до н. э. [17, с. 105, 115, 126].

Наиболее восточные памятники Тисапольгара обнаруживаются в Закарпатской Украине (район Мукачево), откуда аугментные и. е. продвигаются в ареал Трипольской культуры и оседают на Пруте в районе современного водохранилища Костешты в Молдавии. Археологически приход аугментных и. е. в ареал Триполья никак не фиксируется, однако имеет место факт обнаружения тисапольгарской керамики на поселениях жванецкой группы Брынзены III и Корстешты IV [14, с. 259], когда собственно тисапольгарская керамическая традиция уже прекратила своё существование на территории Альфельда. Данные обстоятельства позволяют сделать следующие взаимосвязанные выводы:

1) именно уход части тисапольгурского населения (около 3 080 г. до н. э.) на восток – в ареал Триполья – повлёк за собой прекращение тисапольгарской культурной традиции в Альфельде и трансформацию её в культуру Бодрокерештур;

2) обнаружение тисапольгарской керамики на поселениях жванецкой группы Триполья CI (3 040–2 650 гг. до н. э.) свидетельствует о действительном приходе сюда носителей указанной керамики, продолживших на новых местах обитания прежние керамические традиции;

3) очевидно, что миграция из ареала Тисапольгара в ареал Варваровки XV около 3 080 г. до н. э. привела к перенаселению и практически сразу повлекла распад и археологической, и лингвистической групп (около 3 040 г. до н. э.), в ходе которого часть аугментных и. е. с частью коренных трипольцев (*корпоративная миграция* по Е. Е. Кузьминой [12, с. 157]) ушла на Днестр (в район Дубоссар), образовав выхватинскую (палеобалканскую) макро-группу.

Таким образом, если история неразделённой индоиранской общности целиком протекала в ареале Триполья CI, то история аугментной макро-группы практически целиком прошла в регионе Альфель-

да в рамках Тисапольгара (3 450–3 080 гг. до н. э.) и предшествующего периода польгарских культур, синхронных с Ленгиелем II [3, с. 296], датируемым 3 750–2 450 гг. до н. э. (верхняя дата установлена радиоуглеродным методом) [17, с. 105].

Выстроив схему этногенеза аугментной макро-группы, мы необходимо должны признать, что нордическая макро-группа вела своё происхождение из того же круга польгарских культур, и её историческая судьба следовала в направлении, аналогичном аугментным индоевропейцам.

Очевидно, что нордическая макро-группа отделяется от восточной ветви и. е. семьи на рубеже раннего и среднего периодов польгарских культур – около 3 750 г. до н. э. и мигрирует в ареал Триполья VI (ступени 1-2, 3 850–3 500 гг. до н. э. [2]). Очевидных археологических доказательств этому ещё меньше, чем позднейшей миграции тисапольграцев в ареал Варваровки XV. Однако отметим появление в указанный период краснорасписной керамики на трипольских поселениях типа Красноставка (верховья Синюхи, Уманщина) [3, с. 220] и Поливанов Яр III (на Днестре близ Каменца-Подольского). Причём характерно, что по мере удаления на восток в глубь ареала Триполья количество такой керамики сокращается: в Поливановом Яру – 10%, в Красноставке – всего 2% [14, с. 197].

Трассологически это свидетельствует о том, что распространение данной керамической традиции шло с запада – с территории вне ареала Триполья. При этом керамику, расписанную темно-красной краской, мы не можем считать принадлежащей краснораспиному Ленгиелю I, поскольку в указанный период Тр. VI (1-2) в трипольский ареал хотя и проникают выходцы из Ленгиеля (прото-тохары), однако они приносят с собою белорасписную керамику Ленгиеля II [2], что позволяет уточнить дату тохарской миграции – позднее 3 750 г. до н. э.

Таким образом, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов были правы, когда ут-

верждали, что тохары являлись *предшествовавшей индоиранским миграциям миграционной волной в восточном направлении от ареала первоначального распространения праиндоевропейского языка* [4, с. 935]. Чтобы оказаться на исторических местах обитания соответственно в Восточном Туркестане и в долине Инда, тохары и индоиранцы (в составе аугментной группы) необходимо должны были пройти через ареал Триполья, первые – в период 3 750–3 500 гг. до н. э., вторые – в период 3 080–2 650 гг. до н. э. Однако двум этим миграциям предшествовала самая ранняя миграционная волна нордических и. е. около 3 750 г. до н. э. из ареала польгарских культурах, где синхронно с Ленгием I обнаруживается роспись сосудов темно-красной краской (Береговское поселение в Закарпатье [3, с. 295]).

Ограниченный формат данной статьи не позволяет детально проследить историческую судьбу нордической макро-группы. В общих чертах укажем, что нордические и. е. доходят до Днепра (Мирополье, Тр.VII-7), вступают в тесное взаимодействие с Деревинской культурой (Молухов Бугор) и на этом базисе формируют Среднеднепровский вариант Ямной культуры (возможно, при участии культуры воронковидных кубков), перерастающий в культуры шнуровой керамики, которые совершают возвратное движение в Европу. Сторонникам курганной гипотезы (М. Гимбутас) это событие представляется нашествием

степняков, на самом деле это были потомки коренных земледельцев Старой Европы, сравнительно на короткое время ушедших в Степь (не далее Днепра), заимствовавших здесь степные гены, которые они на обратном пути принесли в Центральную Европу, поэтому у генетиков (В. Хаак) и складывается превратное впечатление, что носители КШК были коренными степняками [28].

За пределами данной статьи остались так же исторические судьбы палеобалканцев и кафиров. Это темы будущих исследований.

Заключение

Задачей нашего исследования являлось построение модели ареально-диалектной дивергенции восточной ветви и. е. семьи. Результат проделанной работы в графическом виде представлен на *Схеме 1*.

Было выдвинуто несколько гипотез, которые, безусловно, нуждаются в дополнительном материальном обосновании, однако с учётом иных данных имеют право быть вынесенными на повестку дальнейших исторических исследований:

1-2) две волны миграции из ареала Тисапольгара в ареал Триполья;

3-4) основание Михайловки II и Среднеднепровского варианта Ямной культуры выходцами из Триполья;

5-6) происхождение культур Абашево и Заман-Баба от Михайловки II.

Статья поступила в редакцию 08.02.2021

Схема 1. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи / **Scheme 1.** Areal-dialectal divergence of the eastern branch of the Indo-European family

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43.
2. Алексеев К. А. Ранние миграции индоевропейцев через степи Евразии: к разрешению тохарской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 55–68.
3. Археология Украинской ССР / гл. ред. И. И. Артеменко. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 568 с.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х кн. Тбилиси. 1984. 1328 с.
5. Герасимова М. М., Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Тюрин Р. А. Антропологические особенности населения абашевской культуры Подонья // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 143–163.
6. Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54–65.
7. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 3–30.
8. История Человечества: в 8 т. / Под ред. З. Я. де Лаата. Т. 2. М.: Магистр-Пресс, 2003. 549 с.
9. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.

10. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры. СПб., 2005. 316 с.
11. Котова Н. С. Ранний Энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 328 с.
12. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 557 с.
13. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник Древней Истории. 1997. № 2. С. 81–94.
14. Массон В. М., Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., Черныш Е. К. Энеолит СССР. М., 1982. 360 с.
15. Николаева Н. А. Центрально-Европейская линия в развитии Бронзового века Северного Кавказа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 49–54.
16. Николова Л. Ямная культура на Балканах // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 423–458.
17. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. 400 с.
18. Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж, 2014. 766 с.
19. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. 83 с.
20. Солодовников К. Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. 2009. Вып. 17. С. 117–135.
21. Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 41–53.
22. Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
23. Хохлов А. А., Китов Е. П. Теоретические и практические проблемы происхождения физического облика носителей культур Синташтинского круга позднего этапа эпохи Бронзы // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.
24. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2007. 270 с.
25. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Нукова думка, 1986. 160 с.
26. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Андреева Ж. В., Артеменко И. И., Бадер О. Н., Граудонис Я. Я., Гурина Н. Н., Косарев М. Ф., Крайнов Д. и др. М., 1987. 472 с.
27. Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 54–68.
28. Haak W., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
29. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555. № 7695. P. 197–203.

REFERENCES

1. Alekseev K. A. [To the question of the origin of the Indo-Iranians and Tocharians in the light of the latest genetic data]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2020, no. 12, pp. 34–43.
2. Alekseev K. A. [Early migrations of Indo-Europeans across the steppes of Eurasia: towards the solution of the Tocharian problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 2, pp. 55–68.
3. Artemenko I. I. *Arkheologiya Ukrainskoi SSR. T. 1* [Archeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985. 568 p.
4. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indoevropskii yazyk i indoevropeitsy*. [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi, 1984. 1328 p.
5. Gerasimova M. M., Borutskaya S. B., Vasilev S. V., Tyurin R. A. [Anthropological features of the population of the Abashev culture of the Don region]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2016, vol. 18, pp. 143–163.

6. Gindin L. A. [Spatial and chronological aspects of the Indo-European problem and the «map of the alleged ancestral homelands of six Nostratic languages» V. M. Illich-Svitych]. In: *Voprosy yazykoznavniya* [Linguistics issues], 1992, no. 6, pp. 54–65.
7. Dyakonov I. M. [About the ancestral home of the speakers of Indo-European dialects]. In: *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History], 1982, no. 3, pp. 3–30.
8. Laata de Z. Ya., ed. *Istoriya Chelovechestva. T. 2* [History of Humanity. Vol. 2]. Moscow, Magistr-Press Publ., 2003. 549 p.
9. Kozintsev A. G. [Early migrations of Caucasians to Siberia and Central Asia]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia.], 2009, no. 4 (40), pp. 125–136.
10. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. *Poseleniye Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kultury* [The settlement of Mikhailovka is a reference monument of ancient culture]. S.Petrburg, 2005. 316 p.
11. Kotova N. S. *Rannii Eneolit stepnogo Podneprovya i Priazovya* [Early Eneolithic steppe Dnieper and Azov]. Lugansk, 2006. 328 p.
12. Kuzmina E. E. *Arii – put na yug* [Ariars is the way south]. Moscow, Letnii sad Publ., 2008. 557 p.
13. Kuzmina E. E. [Ecology of the Eurasian Steppes and the Problem of the Origin of Nomadism]. In: *Vestnik Drevnei Istorii* [Herald of Ancient History], 1997, no. 2, pp. 81–94.
14. Masson V. M., Merpert N. Ya., Munchaev R. M., Chernysh E. K. *Eneolit SSSR* [Eneolithic USSR]. Moscow, 1982. 360 p.
15. Nikolaeva N. A. [Central European line in the development of the Bronze Age of the North Caucasus]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, no. 3 (47), pp. 49–54.
16. Nikolov L. [Yamnaya culture in the Balkans]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 2, pp. 423–458.
17. Safronov V. A. *Indoevropskie prarodiny* [Indo-European urheimat]. Gorkiy, 1989. 400 p.
18. Sinyuk A. T. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Voronezh, 2014. 766 p.
19. Smirnov K. F., Kuzmina E. E. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii* [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries]. Moscow, 1977. 83 p.
20. Solodovnikov K. N. [Anthropological materials of the Afanasyev culture: to the problem of origin]. In: *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2009, no. 17, pp. 117–135.
21. Faifert A. V. [Historiography of the Lower Mikhailovskaya culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2019, no. 5, pp. 41–53.
22. Khokhlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P. [Craniological data on the problem of the relationship between the populations of the Yamnaya and Afanasyevsk cultures of Eurasia at the initial stage of the Bronze Age]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 86–106.
23. Khokhlov A. A., Kitov E. P. [Theoretical and practical problems of the origin of the physical appearance of the carriers of the cultures of the Sintashta circle of the late stage of the Bronze Age]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga archeology], 2019, no. 1 (27), pp. 59–71.
24. Chaild G. Ariitsy. *Osnovateli evropeiskoi tsivilizatsii* [Aryans. Founders of European civilization]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 270 p.
25. Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko N. D. *Yamnaya kulturno-istoricheskaya oblast (yuzhnobugskii variant)* [Pit cultural-historical region (yuzhnobugsky version)]. Kiev, Nukova dumka Publ., 1986. 160 p.
26. Andreeva Zh. V., Artemenko I. I., Bader O. N., Graudonis Ya. Ya., Gurina N. N., Kosarev M. F., Krainov D., et al. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* [The era of the bronze of the forest belt of the USSR]. Moscow, 1987. 472 p.
27. Yarovoy E. V. [Major Chalcolithic burials of a mound near the village of Bursuceni in Central Moldova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, pp. 54–68.
28. Haak W., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 207–211.
29. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, vol. 555, no. 7695, pp. 197–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, преподаватель философии и обществознания Тверского казачьего технологического института;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin K. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), lecturer of philosophy and sociology, Tver Cossack Institute of Technology;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145

FOR CITATION

Alekseev K. A. The areal-dialect divergence of the eastern branch of the Indo-European family (An integrative review). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 131–145.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145